

— Вот реалисты хреновы, не верят, суки!

Что касается моего стихотворения, которым я в ту пору сильно гордился, он сказал: «В нём, выражаясь эзковским языком, двойная наколка. «Случайно попадая в города» — из раннего Тихонова. А «месяц май в болотных сапогах» — из Заболоцкого. У него «железный август в длинных сапогах».

В застолье говорил Лёша ещё тише, чем с трибуны. Слова угадывались, потому что жадно слушались. Тлеющая сигарета (он курил дешёвую «Приму») дрожала в его руке, бережно зажатая двумя длинными элегантными пальцами, и казалось, что дрожит она в такт биению сердца.

Как-то мне удалось записать слова Лёши на первой, осмысленной стадии застольного разговора:

— Дар — с этим родятся. Это единственно точный разговор, потому что творчество, как и наука, познание, — понятие философское. Что такое философия, вы знаете. Это такая же загадка, как и вся жизнь. Если люди поймут смысл, всё полетит к чёртовой матери. Творчество — это взгляд и передача взгляда. Но что внутри этого, никто не знает. Не надо ничего ожидать определённого. Поэт работает в одиночестве. С ним говорить или поздно, или рано. Ему невозможно помочь в процессе работы. Подсознание невозможно улучшить никакими разговорами. Мы дожили до предельного ханжества, притворства. Мы не понимаем синтаксиса Пастернака. Безграмотность современного чувства — невозможность пойти ва-банк. Может быть, потому, что кого-то приучили к нелепой мысли, что поэт — семи пядей во лбу. У Винокурова есть стихотворение: «мне писалось лучше в поездах — в тамбуре набитой элек-тричкой...» и так далее, «сладко вдруг под вздохом защемило...» и так далее, и так далее. Для поэта самое важное — оставаться не в детстве, в инфантильности, а в отрочестве. Человек своим творчеством себя уравновешивает. Богатство души — нет! «Душа обязана трудиться» и всё такое — нет, нет и нет! Ведь человек борется сам с собой. Это, с одной стороны, омрачает картину, а с другой — даёт какой-то шанс. Ведь искусство возникает там, где плохо. Так было у Ксении

Некрасовой. А с хорошей жизни оно не возникает. Оно возникает ради хорошей жизни, а не с хорошей жизни. Леонид Леонов сказал: «Все произведения — загубленные замыслы». А нам и Бог велел. Мне лично критические нравоучения не помогают.

Вот она — тайна поэзии: творчество — это взгляд и передача взгляда. Погрузимся в его строки и посмотрим его очами:

В лесу озябла клюквинка,
Меж кочек лёд блестит,
И пар идёт из клювика,
Когда снегирь свистит.

БАБА ОЛЯ СПАСЛА ДЕТЕЙ — АЛЁШУ И БЕТАЛА — ОТ ДЕТДОМА, ВЫШЛА С ТОПОРОМ, И ЧЕКИСТЫ ОТСТУПИЛИСЬ

До Решетова никто не видел этот пар из клювика снегиря!

Лёше и двадцати не было, когда как грибы пошли первые шедевры.

Как жестоко била жизнь семью Решетовых! Расстрелян отец Леонид Сергеевич, дальневосточный журналист. Маму Нину Вадимовну отправили в лагеря на пять лет — Казахстан, Соликамск, Боровск. Баба Оля спасла детей — Алёшу и Бетала — от детдома, вышла с топором, и чекисты отступились.

Мир Алексея Решетова — в нём чувствуешь себя как дома. Для меня баба Оля, мама Нина, брат Бетал — свои, родные люди. И я, читатель, — свой. Однажды Нина Вадимовна позвонила мне: ей нужна была для мази нефтяная смола. С какой великой радостью наши геохимики готовили скляночку для мамы Решетова!

Юрий Тынянов считал стихи Есенина личными письмами. Таковы же и стихи Решетова.

Шоффер плохо знал дорогу и рано свернул с тракта Пермь — Березники. И вдруг я узнал то место, с которого Алексей писал последнюю свою детскую акварельку, — поле, где Решетовы сажали картошку:

Всего-то-навсего лесок —
Не величавый лес.
Под ним каменья и песок,
Над ним клочок небес.
Но как на сердце хорошо,
Такая благодать,
Как будто в дом родной пришёл,
Где ждут отец и мать.

И место это — Ждановские поля, и речку зовут Зырянка, и небес вправду клочок, всё остальное — облака, облака...

И облаков прощальный клик
Прекрасно слышат горожане.
Облаков или журавлей? Или журавлей за облаками? Как хорошо...

Картошка!

Пока не в тягость дальняя дорожка,
Пока вкусна печёная картошка
С ёщё сырьим колёсиком внутри.

В синем трёхтомнике Решетова, первом его собрании сочинений, впервые опубликовано стихотворение «Картошка». Последняя-то строфа известна по альманаху «Третья Пермь». Я так привык именно к этому одинокому четверостишию — у него есть предыстория, воображённая мной:

Закусим картошкой печёной,
Сухую ботву подпалим
И будем смотреть обречённо,
Как всё обращается в дым...

Второй сборник Решетова — «Белый лист» — вышел с удивительными гравюрами Виталия Петрова, выполненными в манере Стасиса Красаускаса. Он поразил сурового, весьма скрупульного на похвалы Бориса Слуцкого. Мастер написал заметку о ранних стихах безвестного провинциального поэта. Стихотворение «Светолюбивы женщины» он назвал образцовым. Он не мог писать, как Решетов. И никто не мог.

После «Нежности» Решетов говорил, что он хочет писать одну книгу с этим названием — «Белый лист». Получилось вот что: стол, а на столе «Белый лист», «Чаша», «Зёрнышки спелых яблок», а за окном «Жду осени», «Рябиновый сад».

Потом названия сборников выстраиваются в другой ряд: «Станция Жизнь» (похвастаюсь — он надписал мне эту книгу: «Сене, милому мне человеку на всю жизнь»), «Иная речь», «Не плачьте обо мне» и, наконец, «Тёмные светы»...